

Время летело быстро, и глазом не успели моргнуть, как настал ноябрь. Температура резко упала, и по утрам сорная трава на межах вдоль полей покрывалась инеем.

Вэй Цю был поражен: слова деревенских о том, что зима здесь невыносимо суровая, оказались чистой правдой. Из-за нехватки еды каждая семья вовсю готовилась к холодам. В конце ноября обычно начинал падать снег, а в декабре сугробы могли завалить деревню так, что из дома не выйдешь.

Вэй Цю заранее попросил Амо Цяня и тетюшку Цянь сшить два толстых ватных одеяла и зимнюю одежду для них двоих. Он очень боялся холода, поэтому Чэн Шинань не скупился и выбирал самый лучший, свежий хлопок. Когда Амо Цянь шил куртку для Вэй Цю, он положил столько ваты, что юноша, примерив обновку, тут же превратился в пухлый шарик.

Вэй Цю радостно подпрыгнул на месте — теперь у него была уверенность, что он переживет зиму. Глядя на его забавный и по-детски искренний вид, Амо Цянь и тетюшка Цянь смеялись до колик, а Чэн Шинань светился от счастья.

В благодарность Шинань отправился в горы, чтобы добыть дичи к их зимнему столу. По счастливой случайности он поймал раненого оленя и, не раздумывая, отдал добычу обеим семьям. Те поначалу хотели всучить ему серебро, но получили строгий нагоняй от Шинаня, так что пришлось принять мясо. Зная его благодарный нрав, они не стали отказываться наотрез, но оставили себе лишь половину, а остальное мясо и шкуру вернули Шинаню.

Эту шкуру Шинань отвез в город и заказал для Вэй Цю сапожки на меху. Как только их привезли, Вэй Цю в восторге спрятал их в сундук, заявив, что наденет только на Новый год, и от избытка чувств крепко обнял Шинаня. Тот от радости даже забыл, как ходить, и вышел из комнаты, нелепо загребая ногами.

На днях они перекрыли крышу: вместо соломы положили черепицу. Старая хижина не выдержала бы тяжести зимнего снега. Стены тоже подлатали, заделав все трещины. На полную перестройку дома денег пока не хватало, так что решили сначала перезимовать в обновленном старом.

За этот месяц Шинань несколько раз ходил в лес; по мелочи настрелял дичи примерно на двадцать восемь лянов. На черепицу ушло восемь, на три новые балки — два (их потом можно будет использовать при строительстве нового дома, так что решили не экономить). Еще двенадцать лянов ушло на хлопок, ткани, зерно, древесный уголь и прочие бытовые нужды.

Слева от дома они пристроили простой туалет и выложили его галькой — зимой сойдет, а то иначе «пятая точка» совсем замерзнет. В главной комнате поставили большую железную печь-буржуйку с маленьким котелком. При ремонте крыши переделали дымоход так, чтобы дым уходил наружу — теперь можно жечь и уголь, и дрова, не боясь задохнуться. Вэй Цю стало гораздо удобнее готовить зимой: не нужно бегать в соседний соломенный сарай, служивший кухней.

Сейчас у них осталось пятьдесят семь лянов. Эти деньги Вэй Цю решил не трогать — копили на новый дом. Он оставил два ляна на текущие расходы, а остальное надежно спрятал.

— Ши-гэ, этих дров хватит? А то тачку будет тяжело толкать! — Вэй Цю и Шинань сейчас были в лесу на заднем склоне горы, собирали сушняк. Хоть уголь и был куплен, дрова расходовались быстро, поэтому запас не помешал бы. Сухие ветки на опушке уже давно собрали односельчане, так что пришлось зайти поглубже. Чтобы не бегать сто раз, они одолжили тачку у Цянь Миня.

Чэн Шинань был в легкой одежде, мышцы на руках перекатывались, по лицу катился пот. Когда он наклонился, чтобы толкнуть груженую тачку, всё его тело напряглось, являя мощную силу. Вэй Цю поспешно подхватил лежавшую рядом куртку и, встав на цыпочки, набросил её на плечи мужа, чтобы того не продуло.

Вернувшись домой, они принялись за скромный обед, как вдруг прибежал воодушевленный Цянь Минь.

Вэй Цю спросил, ел ли он, и когда тот кивнул, подал ему чашку горячей воды: — Чего это ты в такое время? — любопытствовали супруги.

Цянь Минь почесал затылок: — Да это батя мой... Через пять дней ему пятьдесят лет стукнет. Мы решили в этот раз справить с размахом. С тех пор как дедушки с бабушкой не стало, отец свои именины не праздновал. А сейчас он всё равно дома отдыхает, вот Амо и говорит: надо устроить праздник. В общем, хотим тебя позвать «командовать парадом» на кухне.

— Меня? — Вэй Цю оторопел.

Он никогда не готовил на большие компании и заволновался.

— А на сколько столов планируете?

Цянь Минь, заметив его сомнения, рассмеялся: — Вэй-гэр, не бойся! В округе никто лучше тебя не готовит. Амо еще считает гостей, но будет где-то столов пятнадцать. И есть еще одно дело... я очень хочу, чтобы именно ты готовил.

Тут Цянь Минь внезапно покраснел.

— Ну... в тот день со стороны дяди приедет одна дальняя родственница...

Вэй Цю и Шинань переглянулись. Заметив, как густо покраснел Цянь Минь, Вэй Цю спросил: — Дальняя родственница? И чего ты так разволновался?

— Ну... в общем... Амо хочет меня... сосватать, — Цянь Минь совсем засмутился и начал запинаться.

— Пфф... — Вэй Цю не сдержался и прыснул.

Глядя на пунцовое лицо парня, он расцвел в улыбке. Шинань тоже едва скрывал усмешку. Цянь Минь, превозмогая стыд, продолжал умолять:

— Вэй-гэр! Ну как? Поможешь? Пожалуйста, приготовь для нас!

Вэй Цю вдоволь посмеялся, но, подумав о добрых отношениях между семьями, решил не отказывать.

— Раз такое дело, хорошо. Завтра приду к твоему Амо, обсудим меню и распорядок.

Цянь Минь, получив ответ, сияющий от счастья убежал.

На следующий день Вэй Цю отправился к Цяням, Шинань пошел с ним. Все трое хозяев радушно их встретили. Мужчины остались во дворе обсуждать планы на весеннюю пахоту, а Вэй Цю с Амо Цянем ушли в дом обсуждать детали. Цянь Минь пытался вставить свои «пять копеек», но Амо быстро выставил его вон увесистым подзатыльником.

В итоге насчитали шестнадцать столов. Решили готовить девять блюд — число «девять» символизирует долголетие. Меню должно было быть солидным: курица, утка, рыба, мясо — всё, как полагается на большом пиру.

Вэй Цю прокручивал в голове рецепты. Весь вечер накануне он вспоминал деревенские праздники из своего детства у бабушки: там еда была не только вкусной и сытной, но и выглядела нарядно. Он изложил свой план Амо Цяню, чтобы тот мог прикинуть расходы.

— Курицу подадим холодной закуской с редькой, утку потушим (хуншао), рыбу сделаем в кисло-сладком соусе. Еще обязательно хуншаожоу из свинины, тушеные свиные копытца, «мясо в горшочке» (мэйцай коужоу), ребрышки на пару в рисовой муке, и наваристый костный суп. А из овощей пожарим то, что будет под рукой.

Амо Цянь аж по бедру себя хлопнул — меню было куда лучше того, что он планировал сам. И если Вэй Цю возьмется, стол будет выглядеть очень достойно. Амо прикинул: курица, утка, жирный кабан — всё свое, можно зарезать. Если не хватит, докупят у бабушки Мэн или у невестки. Свиные ножки и ребра можно заказать через родню, у них сосед — мясник, выйдет недорого.

Закончив обсуждение, Амо тут же отправил Цянь Миня к дяде договариваться о продуктах. Вэй Цю и Шинань не стали задерживаться — дел у Цяней было невпроворот. Амо Цянь с благодарностью проводил их до ворот.

Вернувшись домой, Вэй Цю почувствовал лень и сонливость. Шинань велел ему прилечь на кан, и тот послушно уснул. Сейчас их отношения развивались стремительно: Вэй Цю стал очень покладистым. А всё потому, что когда только похолодало, Вэй Цю неосторожно застудился и слег с температурой. Шинань так перепугался, что среди ночи побежал за деревенским лекарем Чжао. Тот, к счастью, не рассердился, выписал рецепт и ушел.

Но Шинань на этом не успокоился. На следующий день он побежал в город к тому врачу, что лечил Вэй Цю раньше, и привез охапку укрепляющих снадобий. Вэй Цю не знал, смеяться ему или плакать, глядя на горькое черное варево, но под строгим взглядом Шинаня послушно пил всё до капли.

С тех пор он одевался тепло, лишь бы не расстраивать мужа. В те дни, когда он болел, Шинань ходил чернее тучи. Иногда Вэй Цю просыпался после лекарства и видел, что муж всё так же сидит в изголовье и сторожит его покой. От Шинаня тогда веяло таким беспросветным отчаянием, что становилось страшно. Но стоило Вэй Цю позвать: «Ши-гэ», как эта аура мгновенно исчезала, и Шинань с видимым облегчением касался его лица: «Как ты? Выспался?»

Вэй Цю не хотел вспоминать те тягостные моменты, поэтому теперь делал всё, что говорил Шинань. Он просто не мог видеть этого мужчину таким одиноким и потерянным.

— Ши-гэ, я вздремну немного. Разбуди меня потом, — сказал Вэй Цю, сидя на краю кана.

У Шинаня не было привычки спать днем; он просто ждал, пока уснет муж, а потом шел по делам. Шинань присел, снял с него обувь — ноги были теплыми, не замерзли.

Вэй Цю забрался под одеяло. Кан еще хранил тепло после готовки обеда. Юноша довольно зажмурился — ему казалось, он готов прожить на этом кане всю зиму. Убедившись, что супруг спит, Шинань подоткнул одеяло и ушел в лес за дровами.

Проснувшись, Вэй Цю услышал во дворе стук поленьев. Он быстро оделся и вышел.

Шинань, увидев его, нахмурился: — Иди в дом, ты только что из-под одеяла, распаренный. Простудишься.

— Хорошо-хорошо, — Вэй Цю потер глаза и вернулся в комнату. Он налил себе теплой воды из чайника на печке и жадно выпил.

Шинань вошел следом, вытирая пот со лба.

Вэй Цю подал ему чашку: — На, выпей воды.

Муж осушил её одним глотком, после чего подошел к Вэй Цю и принялся застегивать пуговицы на его куртке: — В следующий раз, как проснешься, сиди в комнате. Не выбегай на улицу полуодетым.

Вэй Цю, глядя на его заботливое ворчание, мягко ответил: — Слушаюсь! Буду кутаться, прежде чем нос на улицу высунуть.

— Вот и славно. Что на ужин хочешь?

— Да что угодно. Что приготовлю, то и съедим. Пожалуй, сделаю лапшу ручного замеса.

Пока Вэй Цю месил тесто, Шинань сложил дрова в бывшей кухне. Теперь там был дровяник: Шинань укрепил стены и накрыл крышу толстым слоем соломы, чтобы снег не намочил запасы.

Вэй Цю ловко раскатал тесто. Для заправки он мелко нарубил мясо, обжарил его до золотистой корочки и добавил густую соевую пасту, которую прислала Амо Се. Запах жареного соуса с чесноком, луком и острым перцем мгновенно заполнил комнату. У Шинаня даже в животе заурчало.

Вэй Цю отварил лапшу, добавил в конце горсть зелени и выложил всё в большие миски, щедро полив мясным соусом.

— Ши-гэ, мой руки, садимся есть!

Снаружи уже стемнело. Они уселись у жаркой печи и принялись с аппетитом уплетать лапшу.

— Ну как? Тебе не слишком остро? — поинтересовался Вэй Цю.

Шинань ел так быстро, что на лбу выступил пот: — Очень вкусно! Острота в самый раз.

Вэй Цю довольно улыбнулся. Поначалу он думал, что здесь нет острого перца, но оказалось — есть. Просто его не ели как приправу, а выращивали как декоративное растение или использовали как лекарство от простуды. Вэй Цю узнал об этом от лекаря Чжао.

Оказалось, десятки лет назад, после окончания войн, заморские страны привезли этот «варварский перец» (фаньцзяо) в дар императору. Из-за яркого красного цвета он приглянулся двору, и его стали сажать в садах. К нашему времени он стал привычным обитателем аптек и садов богатых домов...